

**СБОРНИК РАССКАЗОВ
«ПРЕСТУПНАЯ ЛЮБОВЬ И ДРУГАЯ ПЕЧАЛЬНАЯ ПРОЗА»
ДЛЯ ЖУРНАЛА «МОЛОКО»**

ОЛЕГ ЯНЕНАГОРСКИЙ

ПРЕСТУПНАЯ ЛЮБОВЬ

Никто из них и предположить не мог последствия той первой встречи. Судьба... Он попал под обаяние молодости, а она... Она полюбила и никому не смогла бы пояснить почему... Любовь не объяснима. Он был старше ее, и женская интуиция подсказывала, что он любил и был любим многими до нее...

Они не знали, что встречи их проходили под негласным наблюдением и агентурным контролем. Может быть, до сих пор где-то хранятся фотографии их счастливых лиц, сделанные скрытой камерой.

Она не знала, что будет арестована на следующий день после того, как он уйдет за кордон... Она не знала, что он уже никогда не вернется... Там за рубежом он проживет еще несколько ярких лет, а ее судьба почти двадцать лет будет мотать по лагерям и ссылкам.

Лагеря... с кем только судьба там не сводила... и с не венчанной женой адмирала Колчака и с законной супругой Председателя Президиума Верховного Совета Союза ССР, «Всесоюзного старосты» Калинина... и с женой секретаря исполкома Коминтерна... Сколько таких лагерей для «жен изменников и врагов народа» она прошла? Но ведь она даже женой не была! Несколько дней счастливых встреч... и долгие годы лишения свободы. За что? Она даже не знала его настоящего имени. В приговоре было написано «за связь с иностранцем»... Как ехидно сказала жена одного расстрелянного генерала (уж не помнится, то ли советского, то ли царского, перешедшего на сторону победившей революции), «за неправильно понятый лозунг «Пролетарии всех стран соединяйтесь».

Она не знала, почему как-то по-особенному ныло сердце 7 ноября 1944 года. Пройдет еще много лет, прежде чем ей станет известно — в этот день по приговору суда казнили ее любимого. Другая женщина в другой стране через годы найдет его могилу и перезахоронит его прах...

Она не знала, что его казнь будет ей «пропуском на свободу»... Хотя какая свобода в ссылке? Думала, что освобождение связано с Великой Победой в Великой войне, а оно пришло только через полгода после того, как шею любимого сдавила петля...

Жизнь прошла... и мало радостного могла вспомнить она, глядя на фотоснимок в «Правде»... Она пережила его на много лет, и теперь, в хмурый ноябрьский день 1964 года, смотрела на фотографию любимого и читала о его подвиге в газете. Теперь она знала, как звали его на самом деле... теперь она поняла... что любовь ее не была преступной... теперь она знала, что эти долгие годы была просто заложницей...

Она очнулась от голоса уже взрослой дочери: «Мама, что с тобой»? Молча протянула ей газету, а потом, глядя в глаза ничего не понимающей дочери, прошептала: «Это он».

Взяв газету, дочь прочитала вслух: «...Присвоить звание Героя Советского Союза (посмертно) Рихарду Зорге...»...

ВОКЗАЛ

*В совместно прожитых годах
Они сожгли цветы любви...
Потом мосты любви сгорели сами...
Дай Бог, чтоб не случилось это с Вами...*

И. Сентябрьский

До прихода опаздывающего поезда оставалось еще пара часов. Крепчавший мороз и меня загнал на вокзал. Удача, как всегда, улыбнулась мне, и на скамейках, рядами установленных в зале ожидания, нашлось свободное место. Я сел и в тепле почти сразу задремал. Время от времени сквозь сон доносился голос диктора и тогда, пытаюсь понять смысл объявления, я размыкал веки и тарасился на окружающих. Пару раз я даже доставал из кармана очки, хотя, наверное, это и было чистой глупостью — они не могли помочь ни услышать, ни понять объявление. Впрочем, в том состоянии полусна, полуяви очки помогали мне быстрее прийти в себя.

Напротив меня сидели юноша и девушка лет двадцати. Любому с одного взгляда было понятно, что это влюбленные. Они держались за руки, глаза сияли, и улыбки не сходили с их лиц. Парень чем-то отдаленно напоминал моего младшего сына.

По проходу, в поисках свободного места, шел какой-то мужчина средних лет. Он уже прошел мимо молодых людей, но вдруг остановился, развернулся и внимательно посмотрел на них. Помолчав несколько мгновений, мужчина сказал с какой-то добротой и затаенной грустью в голосе: «Ребята, постарайтесь сохранить это чувство как можно дольше». Потом он двинулся дальше, чуть ссутулившись, как будто на его плечах был тяжкий груз.

Проводив мужчину взглядом, я неожиданно для себя поправил очки и внимательно посмотрел на девушку... Она была похожа на мою невесту... Дежавю... Когда это было? В 79-м... на пригородном вокзале... Я прикрыл глаза, пытаюсь сосредоточиться...

«Скорый поезд сообщением... прибывает на второй путь». Голос диктора вернул меня к действительности. Я открыл глаза и хотел еще раз взглянуть на парня и девушку. Но места напротив были пустыми...

ПРЕДАННЫЙ ПОЛКОВНИК

Верить никому нельзя — в тяжелую минуту предадут самые близкие. Люди по природе своей не благодарны... и не помнят добра. Каждый, каждый готов укунить руку, которая его кормит, но лижет сапог, которым его пинают... И не имеет никакого значения, носит ли человек военную форму... Да, военные... все же придется к годовщине Революции дать очередные звания большой группе генералов и полковников... с хорошим материальным поощрением... «Гений Карпат» и «великий кондуктор» Николае Чаушеску с брезгливостью бросил на большой стол список высших офицеров гвардии, спецслужб и армии. Потом снова просмотрел его и нахмурился. В список не был включен майор Корбу...

...Вспомнилась первая встреча с Корбу в Лондоне. Он сразу понравился Николае веселым нравом и статью, а позднее стал его любимцем. Николае засыпал его подарками:

Корбу жил на великолепной вилле, его обслуживал целый штат, по городу он передвигался только на бронированном лимузине в сопровождении эскорта мотоциклистов... Впрочем, для Корбу все это было не важно: он любил Николае бескорыстной любовью и всегда был рад новой встрече с ним...

...Не всем нравился Корбу. Иные из министров зубы сжимали, когда Николае ставил их по стойке смирно перед майором Корбу... Вот кто по настоящему мне предан... Он не забудет, не предаст, не вступит в заговор... Ему первому я сегодня присвою очередное воинское звание. Он будет единственным, по-настоящему преданным, мне полковником...

Корбу действительно был верен своему хозяину до самой смерти. Но прекрасная жизнь лабрадора закончилась в день расстрела Николае Чаушеску и его жены Елены. Пса убили вместе с ними...

КАК ОН МОГ?

Женщина металась по комнате, время от времени рыча сквозь зубы:

— Как он мог? Как он мог?! Как он мог уйти к другой...

Я молча смотрела на нее и вспоминала ушедшего мужчину. Вспоминала, как он уходил от другой женщины... Взяв за руку малолетнюю дочь...

С тех пор прошло много лет... И вот — финал той давней истории... Он снова ушел... Как он мог? Не знаю... Я не знаю, ушел ли он к другой... или уходил только от этой?... Я не знаю...

Говорят, что «Мужчины — с Марса, женщины — с Венеры»... Не уверена... Мне кажется, что мы вообще из разных галактик... Я вспоминала, как не один раз отец говорил: «Женщины приходят и уходят, а дети остаются»...

...Да, наверное, он был плохим мужем... Но он был хорошим отцом... Мой отец...

Как он мог? Вдруг вспомнилась давно слышанная история... Тогда, по младости лет, я ее не поняла... Не уверена, что и сейчас понимаю...

...В одной далекой южной стране прекрасная юная принцесса полюбила молодого философа. Она предлагала ему всё... но философ только смеялся в ответ. И однажды принцесса сказала: «Хочешь... я пришлю тебе на золотом блюде голову пророка?»

И снова засмеялся художник... и пошутил: «Вот если бы ты прислала мне свою прекрасную головку»... И в тот же день старый черный раб на золотом блюде принес ему голову принцессы...

Философ глянул, поморщился и сухо обронил: «Уберите это»...

Как он мог?...

Я МОЛЮ О БОЖЬЕЙ МИЛОСТИ ДЛЯ ТЕБЯ...

Известия с фронта становились все более тревожными, а в лазаретах с каждым днем увеличивалось количество раненных. Она это хорошо знала, так как в дневное время участвовала почти во всех хирургических операциях. А ведь врачи работали еще вечером и ночью. Женщина, ставшая сестрой милосердия, уже почти привыкла сдерживать свое волнения при столах раненных, терпеливо убирала с операционного стола ампутированные руки и ноги. И только к запаху гнойных ран не могла привыкнуть... Она снова перечитала начало письма к мужу, находящемуся на фронте. «Мой родной, мой милый! Мой любимый! Какую радость мне доставляют твои письма

и телеграммы! Благодарю Бога за это счастье — так отрадно было получить их после твоего прибытия на место. Бог да благословит твое присутствие там!...»

Конечно, муж не в окопах, не участвует непосредственно в боях, но война есть война и говорят, что вражеские аэропланы проникать далеко в глубь нашей территории... Война затягивается, то радостное воодушевление первых месяцев, тот патриотический подъем куда-то исчезает. Уже давно в обществе нет разговоров о том, что враг будет быстро разбит и наши войска через три-четыре месяца войдут в Берлин... Вспомнился вчерашний разговор в лазарете о том, что в Северном море германские моряки разбросали везде мины, безрассудно подвергая опасности нейтральные торговые суда. И теперь, при первых же сильных осенних ветрах мины эти, не закрепленные якорями, поплывут к голландским, норвежским и датским берегам. Она еще подумала, что некоторые мины поплывут обратно к берегам Германии... она надеялась на это...

Женщина продолжила перечитывать свое письмо: «... Более чем когда-либо тяжело прощаться с тобой, мой ангел, — так безгранично пусто после твоего отъезда. Затем ты, я знаю, несмотря на множество предстоящих дел, сильно будешь ощущать отсутствие твоей семьи... Уход за ранеными служит мне утешением. Болящему сердцу отрадно хоть несколько облегчить их страдания. Наряду с тем, что я переживаю вместе с тобой и дорогой нашей родиной и народом, и за многих друзей, терпящих там бедствия»...

Она смахнула рукой набежавшие слезы.

«... как постыдна и унизительна мысль, что немцы ведут себя подобным образом! Хотелось бы сквозь землю провалиться! Но довольно таких рассуждений в этом письме — я должна вместе с тобой радоваться твоей поездке, и я этому рада, но все же, в силу эгоизма, я ужасно страдаю от разлуки — мы не привыкли разлучаться, и притом я так бесконечно люблю моего драгоценного мальчика. Скоро двадцать лет, как я твоя, и каким блаженством были все эти годы для твоей маленькой женушки!...».

Слезы снова накатились на глаза. Двадцать лет, почти двадцать лет любви и счастливого брака, рождения пятерых детей... и война... Предчувствия душили ее сердце... она молилась, молилась, молилась за мужа, семью, за Россию... Вспомнилось, как три дня назад она ездила в Царское село на Братское кладбище, где хоронили офицеров, скончавшихся в лазаретах.. Переходя и от одной могилы к другой она останавливалась у каждого креста и молилась за души погибших...

Надо заканчивать письмо и немного поспать, ведь завтра снова в лазарет... завтра она, вместе с дочерьми, снова будет выполнять нелегкие обязанности сестры милосердия. Завтра снова будут боль, кровь, гной и ампутированные конечности... Завтра придет Смерть...

Слова ложились на бумагу ровными строчками, хотя в глазах снова стояли слезы: «...Мои самые горячие молитвы следуют за тобой денно и ночью. Я молю о Божьей милости для тебя — да сохранит Он, научит и направит и да возвратит тебя сюда здоровым и невредимым! Благословляю тебя — и люблю тебя так, как редко когда-либо кто был любим, — целую каждое дорогое местечко и нежно прижимаю тебя к моему старому сердцу. Навсегда твоя старая Женушка. Икона эту ночь полежит под моей подушкой перед тем, как я тебе передам ее вместе с моим горячим благословением...».

Закончив письмо Александра Федоровна, сестра милосердия военного времени, Императрица Всероссийская, тяжело поднялась из-за стола...

КИСКА У НОВОГОДНЕЙ ЕЛКИ

...Господи, как холодно в этом году. И не только в Сибири — по всей стране... на Оби лед толщиной уже больше метра... Я потоптался у входа, стряхнул снег с валенок и вошел в школу. Сегодня здесь для детворы устраивали новогодний праздник. В самой большой комнате учителя поставили елку, нарядили ее самодельными игрушками — снежинками с серпом и молотом, картонным дирижаблем, кедровыми шишками, а на макушке — большая красная звезда...

Других украшений в нашем поселке не было... елки ведь только недавно на Новый год разрешили ставить и украшать. Я-то помню еще, как несколько лет назад пионеры в школе стишки учили:

Только тот, кто друг попов,
Елку праздновать готов.
Мы с тобой враги попам,
Рождества не надо нам!

А потом вдруг «разрешили елку» и даже в газете «Правда» про это написали. Но люди не сразу стали елки украшать... А вдруг это враги народа пробрались в «Правду» и устроили диверсию? Нельзя поддаваться на провокации врагов, нельзя...

Все это вспомнилось мне, пока снимал полушубок, шапку и пристраивал одежду на вешалку у входа в комнату. Потом осмотрелся — возле одной из стен на старых соломенных матрасах тихо сидели и лежали дети. У елки соседский Колька, видно надеясь на аплодисменты, радостно читал праздничные стихи... Он у нас артист! Уже решил, что «выучится на артиста и уедет в Москву»...

Кончилось стихотворение, ведущая представления сказала Кольке спасибо и обратилась к детям:

— А давайте ребята похлопаем Коле, он очень хорошо прочитал стишок...

Но дети не хлопали... они даже не шевелились, на худых лицах не было улыбок... Не было на этом празднике веселья. За спиной слышался тихий женский шепот:

Боже милостивый, как же они... как же... как не дитятки... Что же война проклятая наделала...

Я оглянулся и, отвечая на мой немой вопрос, женщина сказала:

— Детдомовские они... из Ленинграда эвакуированы... из под бомб привезли... Вот та, что на руках у воспитательницы, трое суток в комнате рядом с мертвой матерью просидела... До сих пор ее кушать на руках носят...

Переведя взгляд на детей, я заметил на руках молодой воспитательницы девочку лет трех или четырех с большими глазами на очень худеньком лице. Большие серьезные глаза... задумчивый не по возрасту взгляд...

А возле елки две поселковые девчушки уже задорно исполняли какой-то танец. Наш лучший гармонист Федор Степанович наяривал незамысловатую мелодию...

И вот когда умолкла музыка и закончился танец, а девчушки, раскланявшись убежали в коридор, в комнате появилась кошка... самая обычная серая кошка. Как она попала в школу, я не знаю. Может быть, она и жила здесь?... Кошка не торопясь почти дошла до елки, когда я посмотрел на ребят. Всё их внимание сосредоточилось на идущей кошке...

И вдруг в тишине раздался очень тонкий и тихий голос той девочки, что была на руках у воспитательницы:

Смотрите, киска идет... Не скушанная киска...

НИКТО НЕ УЗНАЕТ...

Спать, спать, спать... Как хочется спать... Проклятый телефон звонит, звонит и звонит, разрывая тишину кабинета. Одуревший от недосыпа и голодной усталости майор, снял трубку и долго слушал, пытаясь понять, о чем говорил звонивший. Закончив разговор, он еще посидел несколько мгновений, а затем вышел в дежурную часть.

— Иваньков, Петров! На 10-м пикете обнаружен труп. Проверить и доложить!

— Есть проверить и доложить, товарищ майор!

Когда-то зычный голос крепкого и бравого начальника отдела железнодорожной милиции теперь был сиплым и потухшим, а сам он выглядел изможденным. Четвертый месяц блокады Ленинграда, голод и усталость подкосили его, хотя пайки сотрудникам милиции выдавались регулярно. И его подчиненные тоже голодали, делясь продуктами со своими семьями. Их голоса тоже выдавали слабость и усталость. Ни Иванькову, ни Петрову не хотелось идти по лютому холоду на 10-й пикет. Холод и промозглый, сырой ветер с Финского залива... Ну, обнаружен труп, да и черт с ним...

Однако привычка к воинской дисциплине и выполнению приказов брала свое и, затянув ремни портупей, милиционеры отправились выполнять приказ...

Труп старого изможденного мужчины лежал в канаве, чуть запыленный снегом, и никаких следов вокруг не было. Да и какие тут могут быть следы, если все живое, что не успело убежать и улететь, давно было поймано и съедено... Рабочим выдают хлеба по 250 грамм, служащим и членам их семей — по 125... Каждый день умирали тысячи... десятки тысяч ленинградцев...

— От голода он помер... или от холода, — пробурчал Петров, — зря шли, нету тут преступления...

Иваньков и сам видел, что никаких признаков насильственной смерти нет, и что скорей всего старик замерз, ослабев от недоедания. Но осмотр все же надо было провести, служба она и есть служба...

Паспорт, 500 рублей и продовольственная карточка на декабрь, обнаруженная при осмотре трупа, притягивали взгляды милиционеров, хотя каждый старался не смотреть на кусок газеты, расстеленный на снегу.

...Карточка на декабрь... А месяц только начался... Карточка на декабрь... Мать у Петрова не вставала с кровати уже несколько дней... Вот-вот умрет... Знал это Петров, знал... Отоварить карточку и никто не узнает... а мать может еще немного поживет... Вспомнилось как в голодные послереволюционные годы мать кормила его размоченными сухарями... А что можно купить из еды на 500 рублей?... Никто не узнает...

...Карточка на декабрь... Доченьку бы чуть подкормить... Доходит ведь совсем... Не успела семья эвакуироваться... Сначала все ждали, что отбросит Красная Армия вероломного врага и начнет его бить на чужой территории... Жена не хотела эвакуироваться... А потом немцы сомкнули кольцо вокруг города... Доченька... долгожданная, сколько лет жена не могла забеременеть... С Петровым, конечно, поделиться надо будет, он хороший товарищ... Мертвому карточка ни к чему, а живым помочь может... Кто узнает, что они нашли на трупе? Никто...

Взгляды Иванькова и Петрова вновь сошлись на продовольственной карточке...

— Все ясно, нет тут следов преступления, — сурово сказал Иваньков, — давай, заканчиваем тут все и возвращаемся...

Взгляды милиционеров вновь сошлись на продовольственной карточке, потом они посмотрели друг на друга. Никто ведь не узнает... А декабрь только начался... Блокадный декабрь 1941-го...

...Докладываю, что 5/ХІІ в 11 часов на 10 пикете 20 км Московской линии в канаве обнаружен труп Павлова Александра, 55 лет раб. завода «Большевик», прож. 5-я Советская, дом 23. В карманах трупа обнаружен паспорт, 500 руб. денег и продкарточка на декабрь месяц. По имеющимся признакам смерть Павлова последовала от замерзания. Труп направлен в покойницкую больницу. Ведется расследование.

Начальник Дор. отдела милиции
Окт. ж. д. майор милиции Емельянов

ЧТО ЗИМОЙ ПАДАЕТ С НЕБА?

На станции Сургут пассажирские поезда стоят долго — по часу и больше. Я погулял по вокзалу, долго листал книги в ларьке, купил набор открыток с изображением картин Николая Рериха и вернулся в свое купе. Там уже были новые пассажиры — молодая женщина с девочкой трех или четырех лет и дама почтенного возраста. Пока они устраивались, стелили постельное белье на нижних полках, я стоял в коридоре и смотрел в окно.

Дождавшись, пока поезд простучит колесами по мосту через Обь, зашел в купе, лег на свою верхнюю полку и стал читать. К разговору женщин я не прислушивался и только звонкий голос девочки время от времени отвлекал от книги.

Отгадай загадку: «Что падает зимой с неба»? — спросила мама дочь.

— А я знаю, а я знаю, — весело закричала девчужка, — снег, зимой с неба падает снег».

— Счастливая девочка, — вздохнула пожилая дама, — она уверена, что зимой с неба падает только снег...

— Почему счастливая? — удивилась молодая мама, — мы живем на юге, но и у нас зимой иногда падает снег, что же тут такого?

Я невольно прислушался к их разговору. Пожилая женщина долго молчала, и мне почудилось в ее молчании что-то неожиданное... А потом она продолжила разговор...

...Во время войны сюда, на Север, были эвакуированы из Ленинграда детские дома. Разместили их в деревнях на Оби... да еще в поселках ссыльнопоселенцев. Я тогда еще совсем девчонкой была, но почти всё помню... В сентябре 42-го года все наше село встречало пароход, на котором привезли блокадных детей... Белый пароход, синее сентябрьского небо... и ленинградские дети...

Мама некоторое время работала в детском доме воспитателем и я к ней приходила на работу... В детском доме теплее было, чем у нас дома... Однажды мама проводила занятия в дошкольной группе, и я была рядом. Как сейчас помню тему — «Зима»... Мама задает вопрос детям:

— Что падает зимой с неба?

Ну, понятно же, что зимой падает снег! Мама уже приготовила и следующий вопрос: «А какой бывает снег»?

Но один из малышей очень тихо сказал:

— Бомбы...

Я теперь, конечно, понимаю, что мама растерялась. Мы в глубоком тылу о бомбежках знали только из газет и радио. Растерялась мама и не знает, что дальше делать... Потом как-то собралась и говорит:

— Правильно! А что еще?

— Снаряды, — быстро ответил другой малыш.

Мама совсем растерялась...

— Хорошо, — вздохнула она, хотя что же уж тут хорошего, когда снаряды падают с неба...

Это я сейчас так думаю, а тогда просто почувствовала, что мама не то говорит...

— А еще что? — растерявшись упрямо спрашивала мама.

— Осколки! — хором закричали остальные дети...

Мы тогда многое слышали... только не про снег... Про то, как падают с верхних разрушенных этажей кирпичи и куски штукатурки, доски и остатки мебели, куски железа и стекла...

Пожилая женщина долго молчала, видимо вновь переживая давнюю историю, а потом тихо промолвила:

— Счастливые сейчас дети... знают, что с неба зимой падает только снег...

КОМНАТА ПЛАЧА

До середины 60-х годов XX века в парках культуры и отдыха маленьких советских городов еще существовали «комнаты смеха». Обычно это были фанерные павильоны с различными кривыми зеркалами. Человек видел свое отражение то длинным и кривым, то маленьким и толстым... Или с перекошенным лицом... Что было смешного в искривленных отражениях людей, я и тогда-то не понимал, а сейчас тем более...

А может быть такие «комнаты смеха» существовали и позднее? А я уже не обращал на них внимание? Впрочем, детские впечатления очень сильны, и я мгновенно вспомнил о кривых зеркалах, увидев неяркую вывеску на дощатом павильоне, расположенном за маленьким городским Дворцом культуры.

Однако на вывеске была надпись с информацией, которая меня слегка озадачила:

Комната плача

Абсолютно прямые зеркала

Сделано в Китае

У входа в павильон на складывающемся стуле сидел благообразный старичок. Он напомнил мне еще один яркий эпизод из детских впечатлений. Сколько же мне тогда было? Лет пять наверное... Да, в школу я пошел в шесть лет, а это было еще до школьной поры...

...Тогда дед взял меня на ипподром, но тогда самое сильное впечатление произвели не лошади, а седой старик с усами и мягкой белой бородой до пояса. Он был одет в белый костюм, руки держал на резной рукоятке трости и был белой летней шляпе. Это я сейчас все так вспоминаю — а тогда было просто очень сильное и неожиданное впечатление. Кажется я впервые тогда увидел и белый костюм, и шляпу и резную трость... А что вы хотели от пятилетнего мальчика с бедной рабочей окраины, где мужчины в холодную пору ходили телогрейках, а летом черт знает в чем.... И еще...

кажется мне, что слышал я на ипподроме слова «он из бывших». Или я сам потом их придумал? Старик тот чем-то напоминал портрет Льва Толстого в детских учебниках той поры, но и это я осознал много лет спустя.

Все это довольно быстро пронеслось в моей голове, и я двинулся павильончику. Схожу, гляну, деньги есть, время позволяет...

— Здравствуйте, уважаемый, почем билеты? — вежливо обратился я к старичку.

— Тридцать три рубля, — с достоинством ответил дед.

— Хм, что же сумма такая не круглая? Не тридцать и не сорок рублей? Считать было бы легче, а по нынешним временам 10 рублей уже не деньги...

— Деньги всегда остаются деньгами, — солидно, но добродушно возразил собеседник, — сумма значения не имеет...

— Ну, ладно-ладно, про деньги спорить не буду. А зеркала точно прямые? Может описка на вывеске? За что деньги-то берете? Сейчас прямых зеркал везде хватает...

— Зеркала прямые, три штуки. Цена за просмотр — рубль за каждое зеркало, а остальное — на аренду земли под павильоном, все в мэрию уйдет...

— Экий, однако, у Вас «бизнес с размахом», — не удержавшись, съехидничал я, — много ли заработаете, получая с клиента по три рубля?...

— Не прибыль наша цель, а благое дело, — все так же с достоинством отвечивал старичок-билетер.

— Что-то я не пойму — как благое дело с комнатой плача сочетается, — начал я, но речь не закончил... Что-то странное шевельнулось в голове... Плач не смех, а смех — не плач...

— Иди мил человек, посмотришь в наши зеркала, а потом... может быть... и разговор продолжим...

Небольшой павильон внутри был хорошо освещен. Мельком бросив взгляд, я увидел, что на трех стенах в простых деревянных рамах были укреплены большие зеркала. Я повернулся налево и посмотрел в зеркало. Оно отразило меня во весь рост: еще не старый, подтянутый мужчина, довольно приятной внешности... Костюм... конечно, не последний «писк моды», два года назад в Таиланде в австралийском ателье заказывал, но приличный, вполне приличный костюм... Сорочка и галстук хорошо подходят к костюму и туфлям... Взгляд уверенный, женщинам такие взгляды нравятся... Нет, я еще «очень даже ничего»... подстричься наверное уже пора и немного виски подкрасить, а впрочем, и так седина не заметна... «Орел в модных очках»!

Я сделал несколько шагов к среднему зеркалу. Что за черт?! Когда этот мужик следом за мной вошел в павильон? Даже не заметил! Я оглянулся — но в павильоне кроме меня никого не было! А в зеркале кто тогда отразился?!

Я вздрогнул... — в зеркале было мое отражение — но было оно всё какое-то не такое... Пожилой, да что там — просто старый, с выпирающим живом, сгорбленной спиной, в потрепанном измятом костюме, нечищенных ботинках... Небритый, седина на голове торчит какими-то мерзкими клочками... Взгляд угрюмый, временами сально-похотливый... Тьфу, мерзкий тип... Стоп! Какой мерзкий тип? Это же я... Я... я отражался во втором зеркале...

Метнулся влево — в зеркале опять отразился подтянутый мужчина, довольно приятной наружности, то есть я... Снова рывок к зеркалу №2 — но там снова мерзкий тип...

Ах, вот вы тут какие зеркальца завели... К третьему зеркалу, быстро... быстро... сейчас разберемся да и покрошим ваши подлые стекляшечки в пыль... осколки выметать замазаетесь... бизнесмены-благотворители хреновы... Но к нему я не подбежал, а только глянул издалика...

Третье зеркало, укрепленное на правой стене, было покрыто каплями воды... В нем ничего нельзя было разобрать... Капли стекали вниз по зеркалу, но на их месте тут же появлялись новые... Зеркало плакало? Или это я в слезах? Комната плача... Я рванул с носа очки и потер глаза... Сухие... наверное я тогда впал в ступор... чтобы было дальше не помню...

Очнулся на улице, возле входа в павильон... сидел на стульчике билетера, а он мне протягивал стакан с холодной водой...

— Что это было? Что отражали зеркала? — сипло прохрипел я, после того, как махом влил в себя воду.

— Ну, успокойтесь, успокойтесь.. будем точны в формулировках — не «что» отражали, а «кого»... Вас, мил человек, отражали Вас... первое зеркало показало каким Вы сами себя видите, второе — каким Вас видят окружающие...

— А третье? Третье зеркало... которое плакало? Я скоро умру, да? Скажите... скажите мне... я умру?

— Бог с Вами, живите долго и счастливо... Третье зеркало может отражать Истину... Но кому из людей нужна Истина? Вот и плачет зеркало от своей не востребованности... А жаль... Людям иногда надо смотреть на Истину... своими глазами...

ЛЮБИМЕЦ БОГОВ

Последний монолог

Я родился слабым и мог вообще не выжить, но Боги меня пожалели. Теперь я крепкий, красивый и они на меня не нарадуются. Богиня так и кличет меня: «Красавец». Бог, правда, орлом называет, но мне это в душе даже обидно. Что такое орел? Говорят, что мол, царь среди птиц! Но я-то как могу себя с каким-то царем сравнивать?

Вот скажите, у какого царя есть всё, что у меня? Земли у меня, больше чем в Люксембурге! (Я сам там, правда, не был, но Боги между собой разговаривали, а я случайно услышал). Жилище? Да не у каждого дворец такой, как у меня!! Пищу шесть раз в день приносят только самую свежую и экологически чистую!!! Трахаю любую, кто подвернется и сколько раз захочу — вон их сколько вокруг бродит, а конкуренты и близко подойти боятся! Я получил все мыслимые блага, купаюсь в удовольствиях. Кажется, это называется «вполне благополучный»? Можно смело сказать, что я счастлив, как любимец Богов! Понимая иногда не хватает... Нет, я не про тех, кого трахаю — плевать я на их понимание хотел! Эх, мне бы мудрость Богов! Вот как понять вчера услышанное: «Кормятся теми, кого откармливают»?

А жизнь хороша, и жить хорошо! Вот Богиня на руки взяла, по голове погладила, к богу несет... а он у плахи стоит... Зачем это у Бога в руках острая блестящая железка на ручке? Это что же Боги задумали?... Взмах топора с его последующим вонзанием в деревянную колоду прервал последний монолог и петушиная голова, дергая алым гребнем, упала к ногам Бога...

ДОН ПЕДРО И ВЕСЕЛЫЙ ДЬЯВОЛ

Дьявол, которому поздним осенним вечером встретился Дон Педро, был натурой весёлой и частично даже озорной. Это я тогда так думал... Но и Дон Педро, надо честно признать, тоже был «малый не промах»! И тут, как говорят в далёкой и холодной Московии, «нашла коса на камень».

Откуда я знаю про косу, камень и холодную Московию? О! Это, сеньоры совершенно другая история, не относящиеся к встрече весёлого Дьявола и Дона Педро, и тех последствий и происшествий, которые последовали после заключения той роковой сделки.

Как?! Разве я ещё не сказал, что история этой сделки стала широко известна. Более того, почтенные синьоры, в начале 21 века некий ученый из далёкой и холодной Московии, живший тогда на берегах великой сибирской реки, даже статью напишет под названием «Сделки с Дьяволом на правовом поле». Правда, не будет указывать все подлинные имена...

Откуда я знаю про великую сибирскую реку и об ученом, а также про его статью? А это, благородные синьоры, совершенно иная история, о которой я с удовольствием расскажу вам следующий раз... если... если сегодня и сейчас не умру от жажды... Благодарю Вас, прекраснодушный синьор Карлос, Ваше вино великолепно! Нет-нет, не надо уносить кувшин с этим прекрасным вином! Пусть он останется вместе с нами...

Так вот, чуть-чуть утолив жажду, я всё с вашего позволения, благородные сеньоры, начну рассказ о том, как весёлый Дьявол и Дон Педро, храни Господь и Все Святые его заблудшую душу, заключали сделку. Дон Педро тогда сбеж... спешно покинул Мадрид и направился в Толедо. Ах, не спрашивайте благородные синьоры о причинах этого бегс... о причинах, по которым Дон Педро был вынужден покинуть столицу нашего Богом хранимого королевства... Страсть к азартным играм и козни недоброжелателей часто заставляли Дона Педро в спешке покидать некоторые места...

Ах, какое у Вас прекрасное вино, благородный Дон Карлос, и я с удовольствием выпью еще за Ваше здоровье и милость Короля к Вашему роду...

При каких обстоятельствах в таверне при постоялом дворе, встретились тогда еще веселый Дьявол и Дон Педро, я не знаю. Меня они пригласили за стол быть свидетелем как составлялись условия договора. Дьявол выглядел как немолодой дворянин почтенной наружности и с хорошими манерами. И сначала он был весел... Должен сказать, что я не все запомнил, благородные синьоры, потому, что Дьявол угощал всех прекрасным вином, почти столь же великолепным как у благородного Дона Карлоса, и я выпил немножко больше, чем обычно...

Но точно помню, что в договоре было 28 пунктов, и за исключением последнего, все они начинались словами: «Дьявол, ты обязан...». Ну, я же говорил, что Дон Педро был честный и благородный человек, поэтому он потребовал, чтобы Дьявол немедленно доставил ему 100 000 золотых эскудо, а затем, чтобы он еще в первый вторник каждого месяца доставлял по 1000 золотых эскудо.

Некоторые места из договора я запомнил наизусть, так они мне понравились: «Дьявол, Ты обязан заставить меня быть любимым и принятым Королем и всеми аристократами, так чтобы я мог всегда быть уверен в их доброжелательном расположении и привязанности, и чтобы все соглашалась без вопросов с тем, что могу пожелать от них... Дьявол, Ты обязан наделить меня здравым смыслом, пониманием и умом, так чтобы я мог обсуждать все проблемы логически и мог дать обоснованное суждение о них...

...Ты обязан защищать меня и присматривать за мной во всех заседаниях суда и совещаниях у Короля, Епископа или Папы, перед которыми я могу предстать».

Еще благородный Дон Педро, храни его заблудшую душу Господь и Все Святые, требовал обучения изготовлению лекарств, овладения иностранными языками, предоставления волшебного кольца, для того чтобы его обладатель мог быть невидимым и неуязвимым, а также защиту от воров и от поражения огнестрельным и холодным оружием...

Дон Педро потребовал, чтобы ему было позволено вести его общественную жизнь как добропорядочному христианину и беспрепятственно посещать церковную службу... Особым пунктом оговаривалось, что Дьявол должен являться перед Доном Педро в приятном обличье, а не пугающем или ужасающем.

С каждым обсуждаемым пунктом договора Дьявол терял свое веселье и становился все более неуступчивым в мелочах. Особенно долго, буквально до хрипоты в глотках, спорили об организации достойных похорон Дона Педро! Но при этом Дон Педро согласился, что когда он умрет, то Дьявол заберет его душу, независимо от того, будет ли он похоронен в церкви или за ее пределами. Воспользовавшись тем, что Дьявол отвлекся, заказывая еще три кувшина вина, Дон Педро шепнул мне, что завещает похоронить себя прямо в церковной стене...

Ах, какое у вас прекрасное вино, благороднейший из благороднейших Дон Карлос!

Почему надо было хоронить Дона Педро в церковной стене? Ну, это же и так понятно, почтенные синьоры! Это же не внутри церкви и не за ее пределами....

Что обещал Дон Педро когда-то веселому Дьяволу? А вот это и было записано в последнем пункте договора. Дон Педро, храни его заблудшую душу Господь и Все Святые, обещал отречение от Господа и Святой Троицы и обещание подчиняться Дьяволу телом и душой. Ну, и вдобавок кой-какие мелочи — предоставить ему еще несколько мужчин и женщин...

А потом я уснул за столом и остального не знаю... Слаб человек духом и телом, благородные синьоры, слаб... В оправдание могу сказать, что тогда я сильно устал в дороге, а вино в таверне было почти столько приятным, как и у благороднейшего синьора Дона Карлоса, дай Господь ему долгих лет процветания...

Чем же закончилась история того договора? Увы-увы... После подписания договора растерял Дьявол свою веселость и не стал его выполнять... Обманул он доверчивого человека и благородного дворянина... И осудили... и сожгли на костре бедного Дона Педро в 1676 году от рождения Господа нашего Иисуса Христа, храни его заблудшую душу Господь и Все Святые...

Мне кажется, что в кувшине еще осталось то прекрасное вино?...

ЗАМЫСЕЛ

*И зерна старого сюжета
дают обильные плоды...
И. Сентябрьский*

Литературный семинар уже подходил к концу, когда возник спор о возможности сотворить такой сюжет, который был бы интересен много лет. Одни считали, что текст, основанный на таком сюжете, должен нести способность к многократному перепро чтению, то есть открытию в нем новых, ранее невидимых или непознанных,

смыслов. Вторые утверждали, что результатом должно стать порождение нового и уникального жанра. Третьи полагали, что такой сюжет должен будет связывать между собой прошлые и будущие события — «И что было, и что будет»... Одним словом, каждый предложил для обсуждения свою точку зрения, но все ждали, когда же выскажется Мастер.

Он обобщил все услышанное, и подвел итог. — Я думаю, что в сюжете должны найти отражение вечные вопросы: борьба Добра и Зла, Света и Тени, Жизни и Смерти. Наверное, это должно происходить на фоне столкновений разных философских и религиозных воззрений, отражая при этом вечные человеческие чувства. Что свойственно людям? Любовь и ненависть, жадность и щедрость, предательство и самопожертвование, ревность и преданность, низость и чувство собственного достоинства... На что всегда надеются люди? На помощь и чудо. Какой жизнью они живут? Да самой обычной: возделывают поля и торгуют, пьют вино и молятся, грабят и судят, воюют и мирятся, жалеют о прошлом и пытаются угадать будущее, любят, плодятся и умирают.

В сюжете надо показать новые идеи, разность интересов и сильные характеры, не имеющие однозначности. Необходима такая фабула, чтобы каждый будущий автор в этом сюжете нашел что-то свое..., чтобы любой человек смог добавить к его развитию свои мысли и чувства. Думаю, что такой сюжет люди могли бы разрабатывать сотни и тысячи лет, находя в нем все новые повороты и ранее не проявленные потенциалы.

Наверное, должна быть в сюжете доля трагического и чудесного... с безграничными возможностями их интерпретации. А это, в свою очередь, невозможно без определенной недосказанности... Другими словами, нужен «открытый конец»... В ходе изложения ваших идей у меня родился такой сюжет и черновик наброска по сути уже готов. Думаю, что если к сказанному добавить еще казнь невиновного, совершенную каким-нибудь не очень обычным способом..., например, распятием на кресте, то на две-три тысячи лет люди могли бы увлечься этим сюжетом...

И НЕ ДАНО РЫБАМ ВИДЕТЬ ПОЛЕТ ПТИЦ...

...И не дано рыбам, живущим в глубинах морей, видеть полет птиц в небе... И так было и так будет во веки веков...
...Но однажды прыгнула из воды некая рыба и увидела синее небо над Океаном... и полет птиц и пожелала, хотя бы на мгновение, быть подобной птицам...

...И вновь погрузившись в толщу воды она рассказала другим рыбам о птицах... Но смеялись над ней рыбы и гнали от себя... ибо не нужны нам те, кто смущает себе подобных сказаниями о сферах иных, тех... кто говорит о возможности познания Непознаваемого, тех, кто спокойную глубину привычной жизни готов променять на риск и на взгляд в Небо... Их немного в наших водах... тех, кого зовут «летающими рыбами», но вновь и вновь смущают они стаи иных рыб своими рассказами о птицах, что летают высоко в Небе...

СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ

...И прошла по этим местам Богиня милосердия, и дарила она людям свои дары, оставляя знаки, ведомые только ее милосердной сестре Смерти...

И шла сестра ее Смерть по этим знакам и находила она избранных на день
нынешний...

И окончив дни страданий своих Души умерших, с последней улыбкой покидали мертвые
тела...